
ИСТОРИЯ ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИТЕРАТУРА XVII–XVIII вв.

Русская литература

УДК 821.161.1

DOI: 10.31249/lit/2024.03.07

ОСОКИН М.Ю.¹ БИТВА УЧЕНЫХ ПРОФЕССОРОВ. «БЕЗСТЫДНОЙ РОДОМОНТ...» ТРЕДИАКОВСКОГО VS «ОТМЩАТЬ ЗАВИСТНИКУ...» ЛОМОНОСОВА[©]

*Посвящается «ученому профессору»
Олегу Владимировичу Попову*

Аннотация. Статья предлагает выход из текстологического тупика, в который завел комментаторов эпиграмматический спор Тредиаковского с Ломоносовым «Безстыдной Родомонт...» vs «Отмщать завистнику...». Историкам литературы было настолько непонятно, как встроить эти тексты в полемику 1750-х годов, что они попытались отвести от Тредиаковского авторство ответной эпиграммы. Атетеза, как показано, не имеет ни одного основания. Текст «Родомонта», очищенный от искажений переписчика, исключает ошибку в атрибуции, донесенной сборником «Разные стиходействии». Эпиграмма содержит уникальный троп Тредиаковского («росистый мед»), регулярное у него употребление слова «долг» в функции предикатива, отсылку к переведенной им к 1752 г. басне Эзопа, «архаичную» апелляцию к хвастливым аут-

¹ **Осокин Михаил Юрьевич** – кандидат филологических наук, независимый исследователь, Саттахип (Таиланд); mike.osokin@gmail.com

© Осокин М.Ю., 2024

сайдерам из французских домольеровских фарсов, вероятнее всего к первому фарсу Табарена о капитане Родомонте, а также буалоистскую полемическую стратегию («антиалкогольный» прием «жалящей пчелы»). Эпиграмма о Родомонте, датируемая концом 1753 г., является первым полемическим текстом ТрEDIAKовского против Ломоносова, где использован «антиалкогольный» аргумент, который станет активно применяться в споре о «Гимне бороде» 1757 г., и обнаруживает общую деструктивно-полемическую тактику с другим стихотворным возражением ТрEDIAKовского на эпиграмму «Искусные певцы...», оспаривавшую его теорию флексий, – бодишейминг оппонентов и противопоставление им своих «трудов». Одновременно с «Искусными певцами» в 1753 г. Ломоносов написал эпиграмму «Отмщать завистнику...» по поводу эпистолы И.П. Елагина «К Сумарокову», возразить на которую вынуждал Ломоносова И.И. Шувалов. В этом тексте, возможно, поднесенном Шувалову 12 ноября, ко дню его тезоименитства, адресат (Елагин) рисовался как «завистник» и «ничтожество» без других отличительных признаков, и ТрEDIAKовский принял ее на свой счет.

Ключевые слова: В.К. ТрEDIAKовский; М.В. Ломоносов; А.П. Сумароков; эпиграмма; деструктивная полемика; Родомонт; полемические стратегии.

Для цитирования: Осокин М.Ю. Битва «ученых профессоров». «Безстыдной Родомонт...» ТрEDIAKовского vs «Отмщать завистнику...» Ломоносова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2024. – № 3. – С. 91–126. – DOI: 10.31249/lit/2024.03.07

Osokin M.Yu.¹ The battle of “learned professors”: “Shameless Rodomont...” by Trediakovsky vs “To Avenge the Envious...” by Lomonosov[©]

Abstract. The article proposes a way out of the textual deadlock that ensnared commentators in the epigrammatic dispute between Trediakovsky and Lomonosov “Bezstydneyi Rodomont...” (“Shameless Rodomont...”) vs “Otmshchat' zavistniku...” (“To Avenge the

¹ **Osokin Mikhail Yurievich** – Candidate in Philology, independent scholar, Sattahip (Thailand); mike.osokin@gmail.com

© Osokin M.Yu., 2024

Envious...”). Literary historians found it so perplexing how to fit these texts into the polemics of the 1750s that they attempted to attribute the response epigram to someone other than Trediakovsky. The article demonstrates that such attribution has no basis whatsoever. “Rodomont,” cleansed of the scribe’s distortions, eliminates the error in attribution of “Raznyya stikhodeystvii”. The epigram contains Trediakovsky’s unique tropes, such as the “dewy honey,” his regular use of the word “debt” in a predicative function, the reference to Aesop’s fable, translated by him in 1752, an “archaic” appeal to boastful outsiders from French farces, most likely to the first farce of Tabarin about Captain Rodomonte, and the “anti-alcohol” tactic of the “stinging bee,” taken from Boileau. The epigram about Rodomont (1753) marks Trediakovsky’s first polemical text against Lomonosov, where the “anti-alcohol” argument is employed, a strategy that would become actively used in the dispute over “The Hymn to the Beard” in 1757. It reveals a shared destructive-polemic tactic with another poetic objection by Trediakovsky to the epigram “Iskusnye pevtsy...” (“Skillful Singers...”), which challenged his theory of flexions – body-shaming opponents and counterposing his own “works” to them. Simultaneously with “Iskusnye pevtsy” in 1753, Lomonosov wrote the epigram “Otmshchat’ zavistniku...” (“To Avenge the Envious...”) in response to I.P. Elagin’s epistle “K Sumarokovu”. In this text, presented as a gift to Shuvalov on November 12, on his name day, the addressee (Elagin) was portrayed as an “envy” and a “nonentity” without other distinguishing features, and Trediakovsky took it upon himself.

Keywords: Trediakovsky; Lomonosov; A. Sumarokov; epigram; destructive polemics; Rodomont; polemical strategies.

To cite this article: Osokin, Mikhail Yu. “The battle of ‘learned professors’: ‘Shameless Rodomont...’ by Trediakovsky vs ‘To Avenge the Envious...’ by Lomonosov”, *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies*, no. 3, 2024, pp.91–126. DOI: 10.31249/lit/2024.03.07 (In Russian)

В рукописных книгах XVIII в. встречаются две эпиграммы – «Отмщать завистнику меня вооружают...» М.В. Ломоносова и ответ на нее «Безстыдной Родомонт...» В.К. Тредиаковского, столь же известные, сколь непонятные. Это образец деструктивной по-

лемики, в которой нет ни литературных, ни языковых, ни других разумных аргументов. Ломоносов упрекает оппонента в завистничестве и констатирует его ничтожность, сравнивая с мухой, на которую нерационально расходовать усилия. Третьяковский отвечает набором ругательств, из которых самые содержательные – упрек в алкоголизме и пустой самоуверенности, и сравнивает с винной бочкой. Стихи эти не столько комментировали, сколько вспоминали, когда нужно было проиллюстрировать сложные отношения литераторов из российской Академии наук, превратив в беллетристический лубок о битве «ученых профессоров». Статья посвящена восстановлению утраченных контекстов.

I. Тексты

Эпиграмма Ломоносова «Отмщать завистнику...» в рукописном сборнике «Разные стиходействия» (далее – *РС*) имеет заголовок «Эпиграмма на Тред<иаковского>» (№ 27); приведу ее по более исправному миллеровскому списку начала 1760-х годов (далее – *Мил.*).

Отмщать завистнику меня вооружают,
Хотя мне от него отнюдь вреда не чают.
Когда Зоилова хула мне не вредит,
Могу ли на него за то я быть сердит?
Однако осержусь. Я встал, ищу обуха,
Уж поднял, замахнул! Но кто жужжит тут? Муха.
Как жаль мне для еіо напраснаго труда,
Горюха, ты лети, ты пой: мне нет вреда¹.

¹ РГАДА.Ф. 199. Оп. 1. Порт. 150. Д. 20. Л. 18 об. Редакция *Мил.* соответствует редакция списка БАН Тек. пост. 340, за исключением написания «нее» вместо «еіо». В *РС*: «отмстить», «Зоулова» («у») зачеркнуто карандашом в XIX в.), «я махнул», «но кто жужжит, жужжит муха», второе «жужжит» зачеркнуто карандашом и исправлено на «то –», и эта конъектура принята в первой публикации эпиграммы [Афанасьев, 1859, с. 515]. По *Мил.* стихи процитировала Г.Н. Моисеева [Моисеева, 1973, с. 61] с четырьмя написаниями от себя: «однакож», «а кто жужжит», «для нея», «ты летай». Далее текст будет именоваться по индипиту то «Отмстить завистнику...» (редакция *РС*), то «Отмщать завистнику...» (редакция списков Миллера, БАН и чернового автографа, принятого как основной в «Полном собрании сочинений» Ломоносова, далее – *ПСС*), в зависимости от того, о какой редакции идет речь. Ниже будет видно, зачем они понадобились.

**Битва «ученых профессоров». «Безстыдной Родомонт...»
Тредиаковского vs «Отмицать завистнику...»**

Завистливый злобный критик (зоил) безвреден для автора, но его вынуждают отместить, он подыскивает аргументы и обдумывает возражения, но потом видит, что оппонент – муха. Профессор русской литературы из Университета Питтсбурга (Пенсильвания, США) И. Елагин предлагал называть такие эпиграммы, единственная цель которых «унизить, уничтожить противника, даже не удостоив его литературной полемики», «заушательскими» [Елагин, 1974, с. 25], но термин не прижился. Ответом был «Безстыдной Родомонт...» (далее – «Родомонт»), который в *РС* идет следом под заглавием «Ответ Тредиаковского» на Ломоносова» (№ 28).

Безстыдной Родомонт, иль буйвол, слон, иль кит,
Гора, полна мышей, о винной бочки ви<д>¹!
Напрасно ты искал в бреду твоём обуха,
Казалось как тебе жужжит досадно муха.
Знать, что ты грузен был²: не муха то была,
Но трудница медов росийских³ тех, Пчела,
Которая, как долг, оби<ди>ма⁴ жужжала,
Узнаешь, что она есть не без остра жала⁵.

Ломоносовский текст будет прокомментирован во вторую очередь, сначала разберемся с «Родомонтом».

II. Комментарий к «Родомонту»: отсылки, тропы, фразеология

Безстыдной Родомонт. – Родомонт не просто хвостун (франц. *rodomont*), как переводилось, и компонент идиомы *faire le PC* *Rodomont* ‘бахвалиться’, но «говорящее имя» (итал. *Rodomonte*, «грызущий гору», от *rodere* ‘грызть’ и *monte* ‘гора’) со шлейфом литературных употреблений: рыцарская поэма «Влюбленный Роланд» (*Orlando Innamorato*, 1476–1483) Маттео Боярдо и порожд-

¹ В *РС*: «винт».

² В *РС*: «Ты грузен знать что был».

³ В *РС*: «российских», где «i» выполняет функцию «ь». В XIX в. исправлено карандашом на «русских», и так напечатал первый публикатор *РС* А.Н. Афанасьев [Афанасьев, 1859, с. 515], а вслед за ним некоторые другие.

⁴ В *РС*: «обима».

⁵ Разные стиходействии. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Лобачевского (Казанский федеральный университет). Ед. хр. 4542. С. 35.

денный ею «Неистовый Роланд» (*Orlando furioso*, 1516–1532) Лудовико Ариосто, неоконченная рыцарская поэма «Марфиса» (*Marfisa*, 1532–1535) Пьетро Аретино и ее дериватив поэма Филиппа Депорта «Смерть Родомонта» (*La mort de Rodomont*, 1572). У Ариосто Родомонте, нечестивый алжирский сарацин, помогающий христианки Изабеллы, предает мусульманский закон, добравшись до спиртного, и хлещет вино «большими чашами и полными бутылками» («*gran tazze e pieni fiaschi ne tracanna*» – 29.8, стих 6), после чего отсекает Изабелле голову. Это совпадение, а не подтекст: Родомонте не алкоголик, он впервые поддается искушению, о последствиях которого потом жалеет, к тому же характер его комплексный – сарацин грубый, дикий, надменный и дерзкий (31.66, стих 2), печальный (28.95, стихи 1–2), а главное – не бесстыдный, например, он «полон стыда» («*di vergogna pieno*» – 46.125, стих 2), когда терпит поражение от женщины (Брадаманты). «Бесстыдным» Родомонт становится в комедиях, точнее, у Тредиакковского, воспринимавшего эти доклассицистические комедии через оптику теоретиков французского классицизма второй половины XVII – первой половины XVIII в. Н. Буало, П. Брюмуа, Р. Рапена, Ш. Роллена, Ш. де Сент-Эвремона [Тредиакковский, 2009, с. 251–258].

Капитан Родомонт из французских фарсов, с эпохи Ренессанса использовавших образ Ариосто в своих целях, близок, но не идентичен Капитанам из итальянской *commedia dell'arte*. Итальянские Капитаны считаются инвариантами хвастливого, но трусливого воина – наследниками плавтовского Пиргополиника¹, однако Родомонта это, строго говоря, не касается: он наследует скорее аристофановскому Ламаху и выглядит хвастливым, но не трусливым, а неудачливым. В комедии Реми Белло (*Remy Belleau*, 1528–1577) «Признанная» (*La Reconnaissance*, 1563, опубл.: 1577), не далеко ушедшей от средневековых фарсов, капитан Родомонт возвращается с войны и долго в монологе из 26 стихов рассказывает о баталиях, в которых участвовал «тысячу раз» и «сто раз» одерживал верх: «*l'ay fait trembler, i'ay fait fremir / Cent fois l'ennemi en*

¹ О трусливых комических капитанах и причинах комической трансформации героя Ариосто см.: [Sand, 1860, p. 175–203; Garapon, 1964, p. 113–115; Baby, 2007; Ruth, 2014, s. 225–240]. В некоторых работах в одном ряду с итальянскими капитанами рассматривается Родомонт Табарена.

**Битва «ученых профессоров». «Безстыдной Родомонт...»
ТрEDIAKовского vs «Отмицать завистнику...»**

campagne / Et en Piémont & en Espagne » («Я заставлял трепетать, я заставлял дрожать / Сто раз врагов на поле боя / И в Пьемонте и в Испании») [Belleau, 1604, p. 425]. Трудности у него начинаются только в Париже, куда он приезжает, чтобы жениться на обещанной ему Антуанетте, но жениться ему не придется, поскольку выяснится, что это его дочь: «...et le bon père / A peine, à peine se modère / De se râmer en la baisant » [Belleau, 1604, p. 432]. В начале XVII в. историю ариостовского Родомонта инсценировал Шарль Ботер в «Родомонтаде» (*La Rodomontade*, 1605) – «неправильной» трагедии с чертами фарсовой комедии: язычник Родомонт попытается завладеть Аидом, что приведет к череде столкновений и дуэлей, объясняемой его фанфаронством¹. Капитан Родомонте – герой знаменитого первого фарса Жана Табарена (Жана Саломона), ставшего одним из источников мольеровских «Плутней Скапена», – произносил речь из военных терминов, мешавшую французский, итальянский и испанский и звучавшую угрожающе: «Cavallierès! mousquetadères! bombardas! canonès! morions! corseletes! aqui, veillaco? <...> Som il capitano Rodomonté, la bravura, la valore de toto del mondo: la ma spada s'est rendue triomphanté del toto universe » [Les Oeuvres de Tabarin, 1896, p. 236], что-то вроде: «Кавалеры! мушкетеры! мортиры! пушки! морионы! корселеты! здесь, трус? <...> Моя есть капитанио Родомонте, самый храбрый, самый отважный во всем мире: мой меч побеждать вся вселенная»; дальше он снова переходил на испанский, и Табарен засовывал его в мешок². В 1620-е годы Родомонт раздваивается на фарсового героя с авантюрно-приключенческим прошлым и сюжетной функцией неудачника и героя авантюрного романа «Приключения и амурсы капитана Родомонта» (*Adventures et Amours du capitaine Rodomont*, 1625). В последнем Родомонт – принц Эсклавонии, прославившийся подвигами в «стране сарматов», противопоставляется африканскому сарацину, вскрывая литературную генеалогию: «Rou d'Arger, qui est trop triviale et commune, comme celle qui a assez esté

¹ Лаура Ресция, подготовившая комментированное издание «Родомонтады» [Bauter, 2007], называет его прародителем и образцом Матамора из корнелевской «Комической иллюзии», имя которого стало другим эпонимом хвастуна.

² В русском переводе фарс назван вторым и пересочинен театроведом А.Г. Мовшенсоном, пытавшимся сделать его понятным для младших школьников.

deduite par le poëte italien Arioste, et d'italien tournée en François » [Les Oeuvres de Tabarin, 1896, p. 266] – «Король Аржира, слишком тривиальный и обыденный, подобный тому, который довольно представлен итальянским поэтом Ариосто, переведенным с итальянского на французский». В романе Табарен делается слугой Родомонта, помогающим ему в поисках Изабеллы. Родомонт помыкает им, запугивает и не выносит, когда тот сомневается в успехе его предприятий, но и тут, кажется, нет причин упрекнуть его в трусости. Сближение Родомонтов с хвастливыми, но трусливыми капитанами было вторичным, героическая биография отсылала к авантюрно-рыцарскому прошлому. Родомонта Белло можно было заподозрить в том, что он количество побед преувеличивает, причем скорее риторически, нежели стараясь выдавать себя за храбреца¹. Табарен же выводит смешного заносчивого иностранца, лопочущего не по-французски что-то свое, где «свое» обнаруживает итальянские корни полководца и намек на испанских захватчиков Северной Италии, поскольку сценку о Родомонте 1618 г. разыгрывал с Табареном на площади Дофина миланец Мондор². Третьяковскому в 1730-е годы приходилось переводить много итальянских интермедий и французских комедий для двора Анны Иоанновны. Комедию он воспринимал через «Рассуждения об элоквиенции, поэтике, истории и философии» (*Les réflexions sur l'éloquence, la poetique l'histoire et la philosophie*, 1684) иезуита Рене Рапена, цитируемые в «Рассуждении о комедии вообще» (1752): суть комедии – смешное, намерение – представить на театре пороки [Третьяковский, 2009, с. 258], он искал комизм в автохарактеристиках Родомонтов Белло и Табарена и находил порок «самохвальства», который был объектом его собственных ранних сатир, например, «Эпиграммы на человека самохвала, которой бы угощал призванных к себе бездельным питьем, поднося то за самое лучшее вино» (1735) [Сборник материалов для истории..., 1865, ч. 1, с. 70], и напечатанной в 1752 г. «басенки» «Самохвал» («В отечество свое как прибыл некто вспять...»), в которой опознается Ломоносов [Сборник материалов для истории..., 1865, ч. 1,

¹ Это скорее прообраз полковника Чеснея, не знающего слов любви.

² Площадная кличка Родомонт анаграммировала его имя [Sand, 1860, p. 197–198]. В 1621 г. он выступал также под именем Капитана Риноцеронте.

с. XLIX]. Нет нужды предполагать, что Третьяковский находил у Родомонтов признаки трусости, потому что они не поддерживаются текстами. Сюжетная функция фарсового Родомонта – не бахвалиться и прятаться, а бахвалиться и проигрывать, это комический хвастливый аутсайдер, т.е. «безстыдный Родомонт» означает ‘беззастенчиво бахвалящийся неудачник’.

Иль буйвол, слон иль кит. – Ломоносов, чтобы подорвать рациональность полемики, уменьшил размеры противника до мухи, которую в черновом варианте он еще и сжимал в кулаке, а потом выпускал. Третьяковский в ответ размеры противника в разы увеличивает: пять подряд сравнений – с тремя огромными животными, «горой, полной мышей», и винной бочкой – создают гротескный образ вздорного великана, кидающегося в бреду с топором на маленькую пчелу, которую он спяну принял за муху.

Гора полна мышей. – Отсылка к «Басенке XIII. Гора, мучающаяся родами» из книги «Несколько Эзоповых басенок», опубликованной Третьяковским в 1752 г.: «Напружившись, Гора из глубины стонала, / Как будто час настал родить ей, тем казала; / Сей случай всех привел людей в прекарный страх, / Боящихся, чтоб как не задавил их прах. / Но выскочила мышь из той внезапным спехом, / Итак, людска боязнь скончилась общим смехом» [Третьяковский, 2009, с. 119].

О винной бочки ви<д>. – В РС «винт», но эта порча, каких в списке десятки, дает неточную рифму. «Вид» у Третьяковского, как и «зрак», имеет два значения: 1). ‘образ, облик (обличье)’, ср. оду XXII «Парафраз молитвы Ионины *Возопих в скорби моей*»: «Всему явился вид зол властный» [Третьяковский, 2009, с. 213]; «Оду V... Елисавете Петровне»: «Но так был вид твой всеми зримый, / Что будто не крушил налог» [Третьяковский, 1963, с. 462] и 2). ‘объект видения (зрения)’, ‘то, что открывается взгляду (взору)’, ср. «Перевод с Сенекиных латинских стихов»: «Вид палат высоких...» [Третьяковский, 2009, с. 326]; здесь оно употреблено в первом. Третьяковский уподоблял «непросыхающего Ломоносова» не «винту, который всегда касается наполняющего бочку вина», как со знанием дела истолковал «метафору» С.В. Савкин [Савкин, 2004, с. 96], а самой бочке, наполненной вином или винными парами, если предположить, что бочка пустая; в любом из случаев это прием для создания образа гротескного тела. Согласно

таблице винных мер Л.Ф. Магницкого, в винной бочке – 40 ведер [Магницкий, 1703, л. 121]. «Ведро великое, вина эндебурского имеет в себе 26 гарнцов краковских. Ведро малое вина маравского, святогорского, ракуского, имеет в себе 20 гарнцов» [Магницкий, 1703, л. 124], краковский гарнец – 2,75 л, в винной бочке могло быть от 2200 до 2860 литров, и, видимо, имелась в виду именно такая, сопоставимая по размерам хотя бы с буйволом.

«Напрасно ты искал в бреду своем обуха, / Казалось как тебе жужжит досадно муха». – Цитирование ломоносовской эпиграммы. О том, что у Ломоносова означает «обух», кто был жужжащей мухой и почему именно мухой, см. ниже: «“Отмщать завистнику...”»: реинтерпретация».

«Знать, что ты грузен был: не муха то была». – В РС «Ты грузен, знать, что был»; переписчик РС часто искажал последовательность слов, вплоть до порчи метра. Это не инверсия Тредиаковского, который десятки раз использовал «знать» без солецизмов: «Корысть велику<,> знать<,> он взял» [Тредиаковский, 2009, с. 227]; «Плач о кончине... Петра Великаго»: «Ах! Знать<,> приключилось крайню сиротство» [Тредиаковский, 2009, с. 333]. В «Деидамии» (1750) есть конструкции, где «знать» находится в начале стихов, написанных тем же 6-стопным ямбом со спондеями на первой сто-пе, что и комментируемый стих в эпиграмме: «Знать<,> тайная вас мысль могла так побудить», «Знать<,> пред Богиней есмь в сей токмо я вине». Конструкций «знать, что» у Тредиаковского я не нашел, при избытии конструкций «знатно, что» и «ведомо, что»: «И знатно, что<,> хотя свет больший та иметь, / Умыслила простерть на вас подложну сеть» [Тредиаковский, 1775, с. 95]; «...о Тенбанской оной <войне> знатно, что не слыхал он <Сумароков> сам никогда» [Сборник материалов для истории..., 1865, ч. 2, с. 461] и т.д. «Родомонт» – наиболее ранняя из известных эпиграмм Тредиаковского на Ломоносова, где использован «антиалкогольный» аргумент, в полемике о «Гимне бороде» он станет у него регулярным. Обвинение в пьянстве как прием литературной полемики известно с Античности – например, сатира Персия на Лакция Лабедона, переводчика «Илиады» на латынь, и на других дрянных,

**Битва «ученых профессоров». «Безстыдной Родомонт...»
Тредиаковского vs «Отмицать завистнику...»**

по его мнению, поэтов¹, и в русские полемики 1750-х эту классическую стратегию вводит Тредиаковский, но в случае с «Родомонтом», учитывая приемы древних авторов, подражает новым (см.: «Узнаешь, что она есть не без остра жала»).

«Но трудница медов росистых тех Пчела». – Эпитет «росистый» у Тредиаковского стабильно относится к свежему меду или меду в процессе собирания его пчелой, ср. оду «Вешнее тепло» (1756): «Летит пчела в пределы Флоры, / Да тамо слезы ссет Авроры, / Росистый съемля мед с цветков, / Во внутренность включает жалом, / В количестве, по силе, малом; / О промысл пчельных хоботков!» [Тредиаковский, 1963, с. 360]; «Феоптия. Эпистола III»: «Не меньше дивно есть, летит что на цветок / Пчела, по сластей в нем, *росистый* оный сок, / Сбирает кой она всечасными трудами / И в восковый прудок сливает то сотами» [Тредиаковский, 1963, с. 240]; «Тилемахида», X. 513–514: «Сладкое слово из-уст его всегда истекало, / Равно-как некий ток Млека, иль *Меда росиста*» [Тредиаковский, 1766, т. 1, с. 179]. Это стоит вспомнить, читая ниже о попытках отвести авторство эпиграммы на основании одной искаженной переписчиком рифмы.

«Которая, как долг, оби<ди>ма жуужжала». В РС: «обима». Тут выпал всего один слог, но комментаторы сочли стих безнадежно испорченным [Ломоносов, 1959, т. 8, с. 1022], затруднившись, как и А.Н. Афанасьев [Афанасьев, 1859, стлб. 515], характерным для Тредиаковского выражением «как долг» ‘как должно’, ср. «Феоптия. Эпистола V»: «Но смысл и разум наш когда, как долг, примечу, / То тело пред умом покажется ничто» [Тредиаковский, 1963, с. 280]. Тредиаковский регулярно употреблял «долг» в функции безличного предикатива: ‘(необходимо) нужно, должно’. «Долг тебе, что-его лишился, себя-уж утешить» [Тредиаковский, 1766, т. 1, с. 8]; «Мне кою в жизнь мою всему долг предпочесть» [Тредиаковский, 1775, с. 53]; ср. последовательное употребление «должно» и «долг» в одном значении ‘следует’: «Но как-минет напасть, Самоумие негли восстанет. / Должно теперь укрепляться силою бодрости тверды. / Прежде нежели быть уже в беде всеконечно, / Долг предвидеть напасть, и-тоя по-

¹ Позже Тредиаковский под именем Зубницкого скажет: «Гораций, Персий и Ювенал добродетелей его <Ломоносова> по достоинству описать не могут...»

следствий бояться» [Тредиаковский, 1766, т. 1, с. 11]; «Следственно, им обучать долг Юношей смысла такова, / Кои надежду дают о-себе довольно велику <...> Прочии суть рождены к делам не столь Благородным; / Сих долг употреблять к обычайным Общества нуждам» [Тредиаковский, 1766, т. 1, с. 214]; «Знать<,> долг, Тезеем уж была взята Елена» [Тредиаковский, 1775, с. 71]; «Долг, Тилемах, посему да умрешь ты всеконечно» [Тредиаковский, 1766, т. 1, с. 113] и т.д. «Как долг, жужжала» значит ‘жужжала, как и подобает пчеле’, к тому же обиженной.

«Узнаешь, что она есть не без остра жала». – Пчеле Тредиаковский уподобляет себя, выстраивая, как выражается О.Л. Довгий, новую иерархию с помощью вторичной бестиарной номинации [Довгий, 2022, с. 60]. Эта номинация сначала утверждает идею, что дело не в размерах, а в пользе, и затем тут же реализует второй смысл: пчела умеет ужалить¹ и противостоять противнику, много превосходящему ее по размерам (ср. пчел, побеждающих медведя, в другой басне Эзопа). Тредиаковский – буалоист [Пумпянский, 1937, с. 159]. В 1734 г. он издает «гданскую оду» с трактатом «Рассуждение об оде вообще», ориентированные на «намюрскую оду» Буало, напечатанную с «Рассуждением об оде» (1693). К 1752 г. переводит «Поэтическое искусство» и замечает в предисловии: «И поистине, все, что ни сочинял Боало, есть исправное и удивительное, но “Наука” его пиитическая, кажется, пред всем находится превосходная...» [Тредиаковский, 2009, с. 7], а о Буало-полемисте в 1750 г. пишет: «Расин научит токмо вздыхать по пустому; а Боало-Депрео всех язвить и лучше себя...» [Сборник материалов для истории..., 1865, ч. 2, с. 449]. «Всех язвить» Тредиаковский учился, в том числе, у Буало, который сочинил эпиграмму на своего племянника Жана де ла Шапеля, где назвал его «большим пьяницей из Маре»:

Tout grand Yvrogne (sic. – М. О.) du Marais,
Fait des Vers que l'on ne lit guere:
Il les croit pourtant fort bien faits,
Et quand il cherche à les mieux faire,
Il les fait encor plus mauvais [Boileau, 1740, т. 1, p. 438].

¹ Правда, Тредиаковский не учел, что она после этого, как правило, подыхает.

**Битва «ученых профессоров». «Безстыдной Родомонт...»
Тредиаковского vs «Отмщать завистнику...»**

(Всякий большой пьяница из Маре / Сочиняет стихи, которые почти не читают. / Тем не менее он верит, что они написаны очень хорошо; / И, когда он старается сделать их лучше, / Делает их еще хуже. – *франц.*)¹.

Это был «переворот» эпиграммы Шапелья, где манифестировалась приверженность естественности стихов в противовес их отточенности. Шлифовать стихи, приходящие по наитию, утверждает Шапель, – только портить, «красиво» пишет Буало, считающий поэзию работой разума, а не вдохновения.

Tout bon fainéant du Marais
Fait des vers qui ne coûtent guère;
Pour moi, c'est ainsi que j'en fais,
Et, si je les voulois mieux faire,
Je les ferois bien plus mauvais;
Mais, pour notre ami Despréaux,
Il en compose des plus beaux
[Voyage de Chapelle et de Bachaumont, 1826, p. 53].

(Всякий добрый ленивец из Маре / Сочиняет стихи, которые немного стоят; / Что касается меня, я делаю так, / И если бы захотел сделать их лучше, / Сделал бы намного хуже; / Но что до нашего друга Депрео, / Он пишет одни из самых красивых. – *франц.*).

Эпиграмма Буало впервые опубликована в собрании его сочинений 1740 г. под названием «Пародия» с примечанием, что она метила в пристрастие Шапелья к «анакреонтическим стихам, в которых царили, как говорили, счастливейшая небрежность и приятнейшая естественность» (« On prenoit son attache pour débiter dans le beau monde des Vers prétendus ou regnoient, fisoit-on, les plus heureuses negligences & le plus beau naturel ») [Boileau, 1740, t. 1, p. 438]². Эта характеристика приводилась в книге «Буалеана, или

¹ Похожую игру слов использовал Таллеман де Рео, говоря о Сент-Амане: “En une épître à M. d'Orléans, sur la prise de Gravelines, il s'appelle *le gros Virgile*; il eût mieux fait de dire *le gros ivrogne*” («В эпистоле к господину д'Орлеану о взятии Гравелин, он называет себя *толстым Вергилием*; ему бы лучше сказать *толстый пьяница*»).

² В XIX в. прямо в название эпиграммы стали прибавлять, что Шапель отвечал так Буало на упрек в «grande négligence de sa versification», излишней небрежности стихосложения [Voyage de Chapelle et de Bachaumont, 1826, p. 53]. В XX в. С. Менан, комментируя текст Буало, процитировал эту характеристику

Острословие г-на Буало» (*Bolæana ou Bons mots de M. Boileau*, 1742) в связи с «Шапелем, который задавал тон всем блестящим умам, купно со всеми пьяницами из Маре» («*Chapelle qui donnoit le ton à tous les beaux esprits comme à tous les Yvrognes du Marais*») [*Bolæana*, 1742, p. 97]. Затем эпиграмма вошла в собрание сочинений Буало 1747 г., подготовленное Ш. Сент-Марком, и он, повторив это предание, указал, что текст знал еще Клод Броссет, корреспондент и издатель Буало, составлявший его собрание сочинений 1717 г., однако не публиковал, пока Шапель был жив [*Boileau*, 1747, t. 2, p. 418], хотя можно подозревать и другую причину: оригинал кажется остроумнее, чем ответ.

Сополагая «пьянство» и «небрежность», Буало не выводит закономерности, но подталкивает читателя (иначе зачем их сопоставлять) сделать вывод, что небрежность – это следствие пьянства. Случай с Буало – особый, потому что это вопрос о репутациях. Ломоносов зарабатывал себе славу «российского Малерба», Сумароков – «российского Расина», а Третьяковский хотел быть «российским Буало», поэтому подражал его приемам и, вероятно, хотел, чтобы о нем *говорили* так же, как о Буало, но пока никто не говорил, приходилось говорить самому.

Жан Леклерк, разбирая стратегии Буало, которому надо было «отвечать на атаки, высмеивать врагов, защищать друзей и отстаивать эстетические и богословские позиции», заметил: «Многие воспринимали его смех как укус», – и привел список из четырех примеров. Шаплен называл его «мсье мастифчик» («*Monsieur le petit Dogue*»), Рене Ле Пей (*René Le Pays*, ум. 1690) писал, что Буало «кусает и заставляет нас смеяться» («*mord et qui nous fait rire*»), Пьер Перрен (*Pierre Perrin*) в «Бастоннаде» (*La Bastonnade*, 1686) уподоблял Буало «трусливой змее», которая «если не кусает

[Menant, 1981, p. 89], сославшись как на первоисточник на раздел XXIII первого тома «Критических размышлений о поэзии и живописи» Жан-Батиста Дюбо (1719), где нет ни цитаты, ни Шапеля: Дюбо критикует там две эпические поэмы – «Девственницу» (*La Pucelle*) Шаплен и «Хлодвига» (*Le Clovis*) Жана Демаре, присоединяясь в случае с Шапленом к мнению Буало: «Что касается образов, то Демаре набрасывает только химеры, а Шаплен в свойственном ему германском стиле не рисует никаких, кроме несовершенных и увечных» («*Quant aux images, Desmarts ne crayonne que des chimères, & Chapelain dans son stile (так! – М. О.) Tudesque ne dessine rien que d'imparfait & d'estropié*») [*Dubos*, 1719, pt. 1, p. 274].

и не жалит, то ползает, подобно червю» (« Et ce lâche serpenteau, / S'il ne mord ou s'il ne pique, / Rampe comme un vermisseau »), а Аполлон в героикомической поэме Бальтазара де Боннекорса (Balthazar de Bonnecorse, 1632–1706) «Лутриго» (*Lutrigot, poëme héroï-comique*, 1686) говорит: «Я знаю, <...> что он умеет кусаться и злословить» (« Je sçay <...> qu'il sçait mordre, & médire ») [Leclerc, 2012, p. 23]. Отзыв Перрена – пейоративный, Шаплена – из рукописного памфлета (*Lettre au cynique Despréaux*), но отзыв Аполлона в пародии Боннекорса на «Налой» [Bonnecorse, 1686, p. 12] и Рене Ле Пея в статье о сатирах Буало Тредиаковский мог знать, последний полностью звучит так: «Не восхищаетесь ли вы вместе со мною очарованием его стиля, который щекочет и жалит, который и кусает нас, и заставляет нас смеяться» (« N'admirez vous pas avec moy les charmes de son style, qui chatouille en piquant, qui nous mord & qui nous fait rire ») [Le Pays, 1672, p. 134]. Piquant это и 'колоть', и 'жалить', ср. «пчелу, уколловшую руку» (« une abeille piquant sa main ») [Dionis Du Séjour, 1777, p. 47]. В этот ряд встает формулировка самого Тредиаковского 1750 г.: «Боало-Депрео <научит> всех язвить и лучше себя», где «язвить» – это 'ранить', 'жалить', 'кусать', а «и лучше себя» – 'в том числе авторов, которые пишут лучше него самого'. Тредиаковский не мог бы повторить, что Ломоносова никто не читает, его читали лучше, но, примеряя титул «русского Буало», учитывал полемические стратегии «Буало кусающегося», отсюда применение себя к пчеле, которая может уязвить, и антиалкогольный аргумент. При сходстве стратегии существенная разница в тактике, к которой еще придется вернуться, объясняется тем, что у Тредиаковского не идет речи о ломоносовских стихах, у них – другой предмет спора. Если Буало соплагал «пьянство» и «качество стихов», то Тредиаковский – «пьянство» и «недооценку противника», «пьянство» и «бахвальство».

Отсюда видно, что никакой «ничтожный» литератор, которому пытались реатрибутировать эпиграмму, не мог написать текст, превосходящий вызов по количеству смыслов. Осталось понять, на что она написана.

II. История одного текстологического изнасилования

В рукописных сборниках эпиграммы оторваны от повода и выглядят как спор на ровном месте. Историкам литературы было

непонятно, как вписать их в общую картину полемики, и они, как станет видно, не слишком об этом старались. Чтобы увидеть истоки проблемы, нужно вернуться к широкому контексту двух рукописных сборников, распотрошенных публикаторами в своих целях.

Список Миллера – это сборник из 14 стихотворных рукописных сатир разных авторов (И.С. Барков, Я.И. Брандт, А.И. Дубровский, И.П. Елагин, М.В. Ломоносов, Н.Н. Поповский, В.К. Тредиаковский и др.), подписанных и неподписанных. Все тексты имеют название «Сатира на...», за исключением двух: «Эпиграма на S чрез кадетскаго ундерофицера» («Когда сказали мне любезной возвращенья / В тот час я позабыл напасти и мученья...», № 6) и «Эпиграма на красоту чрез Боркова» («Есть главна доброта, красой что названа...», № 7). Эпиграммой же по сути и по объему является текст № 13 «Сатира на предъидущую...», т.е. «Сатиру на пристрастных людей» (№ 12) А. Дубровского¹. Сатиры выдернуты из разных полемик, больше всего – из полемики 1753–1754 гг.: «Сатира на петиметра чрез Елагина» (№ 2), «Сатира на ** чрез Бр...» («Довольно не могу я людям надивиться...», № 3), «Сатира на (...) <так в рукописи. – М. О.> чрез Тредьяковскаго» («Что бешенство ввелось у нас между писцами...», № 5), «Сатира на Третьяковскаго чрез Суморокова» («Искусныя певцы всегда в напевах тщатся...», № 8), «Сатира на отмщения недостойнаго сатирика» (№ 11), как здесь называется «Отмщать завистнику...», и начало «Сатиры на Е***» («Я не стыжусь признать свою охоту явно...»). Сборник формировался по жанровому принципу, а не отслеживал ход дискуссий.

По дискуссиям группировал тексты составитель сборника РС, который по широте охвата до сих пор не имеет равных, остальные его только уточняют и дополняют. Составитель был современником и одним из первых интерпретаторов полемик, гораздо более компетентным, чем принято считать, и впервые столкнулся с теми же вопросами, что и позднейшие комментаторы.

¹ «Сатира на пристрастных людей» Андриана Дубровского опубликована в другой редакции под названием «На ослепление страстями» в «Ежемесячных сочинениях» (1755). Эпиграмма на нее звучит так:

Когда учить добру Д** начинает,
Воздержность хвалит в чем, пороки проклиняет,
То знатной надлежит премены ожидать,
Чтоб худо за добро не стали почитать.

*Битва «ученых профессоров». «Безстыдной Родомонт...»
Тредиаковского vs «Отмщать завистнику...»*

РС состоят из блоков, которые примерно соответствуют хронологии, последовательность текстов не соблюдена, но в начале границы блоков прослеживаются отчетливо: № 1–12 – елагиномахия (около 1753 г.), № 13–22 – битва за «Гимн бороде» (около 1757 г.), № 23 «С Сотином, что за вздор? Аколост примирился...» («Ломон<осова>. Злобное примирение г. Сум<арокова> с г. Тредиаковским») – эпиграмма 1759 г., когда в мае Сумароков напечатал в «Трудолюбивой пчеле» свой памфлет на Ломоносова «Медик и стихотворец», а в июне – непочтительную статью Тредиаковского о мозаике (в июле Ломоносов жалуется на нее в письмах к Шувалову и Воронцову). Судя по положению в сборнике, перебранку «Отмстить завистнику...» («Эпиграмма на Тред<иаковского>», № 27) и «Безстыдной Родомонт...» («Ответ Тред<иаковского> на Л<омоносова>», № 28) составитель узнал и списал позже и отнес к 1759 г.: она помещена между ломоносовским «Злобным примирением» (№ 23) и сумароковскими «Вздорными одами» (№ 29), т.е. надежно отделена и от полемики о «Гимне бороде», и тем более от елагиномахии, однако она отделена и от «Злобного примирения» эпиграммой Ломоносова на И.В. Шишкина (№ 24) и текстами № 25–26 («На Фридриха IV» и «Случилось в старинны веки...»), ходившими в списках под именем Ломоносова. Это значит, что уже составитель затруднился с интерпретацией и датировкой.

«Отмстить завистнику...» и «Родомонт» встретились с разночтениями (исключительно ухудшающими) в очень поздней рукописи «Книга, называемая когда что попало, собрана на Руси, в Крыму, в Молдавии, в Валахии, в Польше, на Вольни и Литве, как бы сказать с не малыми хлопотами. 1792 года декабря 23 дня» [Русская эпиграмма, 1975, с. 632], которая ничего не проясняет, как видно уже из названия.

Для краткости пропускаю 132-летнюю историю гаданий, которыми занимались читатели с момента первой публикации «Отмщать завистнику...» в 1827 г., а затем в составе «диптиха» с «Родомонтом» в 1859 г. [Афанасьев, 1859, стлб. 515] до 1959 г., когда Г.П. Блок датировал ломоносовский черновой автограф, найденный в числе рукописей, переданных библиотеке Академии наук историком П.А. Мухановым. К трем текстам – «1. Отмщать завистнику...», «2. Златой младых людей...», «3. Искусные певцы...» – была приложена записка: «Прошу извинить, что для крат-

кости времени набело переписать не успел. Корректурa русской и латинской речи и грьдоровальных досок не позволяют» [Ломоносов, 2010, с. 232–234]¹. Г.П. Блок, комментатор всех трех стихотворений в академическом ПСС Ломоносова, поденно расписав график Ломоносова, с точностью до недели установил, когда он работал одновременно над корректурой двуязычной «речи» «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» и гравировальными досками гравюр для «Изъяснений, надлежащих к Слову»: 4–11 ноября 1753 г. [Ломоносов, 1959, т. 8, с. 1016–1017].

При наличии автографа в ПСС рукописные сборники уже в расчет не принимали (хотя, когда автографа не было, учитывались все редакции, даже ухудшающие). Решение напечатать черновой автограф, а списки отбросить вовсе – текстологически ущербное, потому что оппоненты Ломоносова возражали именно на списки. Как заметила позже Г.Н. Моисеева, он отправил в публику не эти черновики, иначе «они не сохранились бы среди бумаг Ломоносова (? – М. О.)», а другую редакцию, и ТрEDIAКОВСКИЙ, когда писал «Казалось как тебе жужжит досадно муха», отвечал не на вариант автографа «А кто сидит тут? Муха!», а на рукописный вариант: «А кто жужжит тут? Муха» [Моисеева, 1973, с. 61]. Именно так в *Мил.*, списке БАН и в испорченном виде («но кто жужжит, жужжит муха») в *РС*.

Опершись на автограф, Г.П. Блок почувствовал себя уверенно и принялся дезавуировать указания *РС*. Сначала отверг указание на ТрEDIAКОВСКОГО как адресата эпиграммы, определив на его место какого-то неизвестного врага, неидентифицируемого «завистника» («адресат... едва ли определим»), который по какой-то причине раздражил Ломоносова: Ломоносов метил «в этом случае не в ТрEDIAКОВСКОГО, а в одного из неизвестных нам и притом малозначительных участников сумароковско-елагинской литературной группы, принявшего участие в кампании, поднятой против Ломоносова в 1753 г.» [Ломоносов, 1959, т. 8, с. 1022, 1023]. Единственный аргумент против был следующий: Ломоносов не мог назвать ТрEDIAКОВСКОГО мухой, т.к. не считал его «противником

¹ Впервые опубликованы М. Сухомлиновым, в ПСС тексты напечатаны в разбивку [Ломоносов, 1959, т. 8, с. 539, 540, 542, 1016].

**Битва «ученых профессоров». «Безстыдной Родомонт...»
Тредиаковского vs «Отмщать завистнику...»**

мелким и ничтожным» [Ломоносов, 1959, т. 8, с. 1022]. Довод выглядит инфантильно для комментария, изданного под грифом Академии наук, даже неловко (и, как будет видно, излишне) доказывать, мог ли Ломоносов применить Тредиаковского к мухе: Тредиаковский думал, что мог.

Но дальше Блок вычеркнул Тредиаковского из этой полемики вообще, отведя от него авторство эпиграммы о Родомонте и приписав ее тому самому «малозначительному» участнику некоей елагинской «группы», хотя вряд ли кому-то из этих 20-летних литераторов могло прийти в голову апеллировать к домольеровским фарсам. Основаниями стали стиль (это *не похоже* на Тредиаковского), вернее, недооценка стиля¹, и «кит/винт» – неточная рифма, которых Тредиаковский в 1750-е годы избегал [Ломоносов, 1959, т. 8, с. 1022], т.е. искажение рифмы в списке. Составители двухтомника «Поэты XVIII века» согласились, что исправная рифма – «кит/вид»², после чего атрибуцию, казалось бы, можно было вернуть на место, но они приняли химерическое решение: выправили рифму и приняли атетезу, снабдив фамилию Тредиаковского знаком вопроса, а в примечаниях написали: «Ответ на стихотворение Ломоносова “Отмщать завистнику меня вооружают...” <...>, написанное в связи с выпадами против него в “Эпистоле” Елагина» [Поэты XVIII века, т. 2, с. 533]. Здесь, в отличие от ПСС, верно определен объект, но бремя объяснения, зачем Тредиаковскому понадобилось вступаться за Елагина, переложено на читателей.

Составители антологии «Русская эпиграмма» (1975) процитировали «Родомонта» в ухудшающей редакции «Книги когда что попало» («ты грозен» вместо «ты грузен», «медов российских» вместо «медов росистых» и «задолг обидимо» вместо «как долг, обидима») и присоединились к выводам ПСС: «Г.П. Блок высказал резонные сомнения в том, что адресат стих. – Тредиаковский и что

¹ Теперь уже, кажется, не надо доказывать, что по-тредиаковски Тредиаковский писал намеренно; в легких жанрах и в эпиграммах, где он писал «как говорят», а не «как пишут», он действительно не похож на стереотип о себе; когда он в 1750 г. правит стихи Сумарокова, см., например: [Сборник материалов для истории..., 1865, ч. 1, с. 458], считавшего себя образцом ясности, они становятся гораздо лучше.

² В примечании сказано, что стихи печатаются по «казанскому списку» (т.е. по РС) с поправками «по списку ЦГАДА» [Поэты XVIII века, т. 2, с. 533].

последнему принадлежит цитированный “Ответ”, так как в нем нет признаков стилистической манеры Тредиаковского» [Русская эпиграмма..., 1975, с. 632]. Г.Г. Мартынов в собрании переписки Ломоносова пересказал комментарий ПСС, не добавив от себя ни слова за, ни слова против [Ломоносов, 2010, с. 235].

Г.П. Блок, отвергнув авторство Тредиаковского и не предложив взамен лучших кандидатов, изнасиловал материал, исходя из совершенно необязательной, измышленной интерпретации, а остальные, последовав за ним, зашли в тупик и сделали вид, как будто сюда и хотели.

Б.А. Успенский разобрал в 1984 г. кейс «Не знаю, кто певцов...» Тредиаковского vs «Искусные певцы...» Ломоносова [Успенский, 2008, с. 459–508], а хронологически близкий кейс с мухой и Родомонтом не тронул: он был ему неинтересен, потому что там нет лингвистики. Остальные толковали стихи по отдельности. «Словарь русских писателей XVIII века» назвал «Родомонта» ответом на «Эпитафию» Ломоносова «Трудолюбивой пчеле» 1759 г. («Под сею кочкою оплачь, прохожей, пчелку...») [Словарь..., 1999, вып. 2, с. 222], и эта ошибка быстро перешла в другой словарь [Бердников, Серебряный, 2002, с. 260]. Е.Н. Лебедев в 1990 г. верно определил цель «Отмщать завистнику...» как И.П. Елагина [Лебедев, 1997, с. 412–413], предварительно параноидным образом извратив его «Сатиру на петиметра» [Лебедев, 1997, с. 407–409, 414], и проигнорировал «Родомонта». А. Архангельская, указав вслед за ним на Елагина, в нарушение принципа Уильяма Оккамского подозревала «завистника» среди придворных, которые «выражали недовольство выделением императрицей Ломоносову земель для строительства стекольной фабрики», или ученых, которые сомневались в «научных достоинствах “Слова о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих”» [Архангельская, 2011, с. 48–49]. Других содержательных попыток объяснить эти стихи я не нашел.

III. «Отмщать завистнику...»: реинтерпретация

Если отбросить за ненадобностью гипотезы об экземплификанте (неизвестном и неопознаваемом оппоненте) и стекольной фабрике, «Отмщать завистнику...» непротиворечиво ставится в

**Битва «ученых профессоров». «Безстыдной Родомонт...»
Третьяковского vs «Отмстить завистнику...»**

связь с письмом Ломоносова к И.И. Шувалову от 16 октября 1753 г. [Ломоносов, 1952, т. 10, с. 490–492], буду называть его для удобства «Оправданием», поскольку его содержание – «основательное оправдание» в подражании древним авторам.

И.П. Елагин задел Ломоносова в двух стихотворных посланиях к Сумарокову. В эпистоле «Ты, которого природа...» (РС, № 131 «К Су<марокову>»), в списке А. Ржевского – «Письмо к Сумарокову») он оспорил характеристики, данные им Ломоносову в «Эпистоле о стихотворстве»: «Где Мальгерб, тобой почтенный, / Где сей Пиндар несравненный, / Что в Эпистолях мы чтем? / Тщетно оды я читаю, / Я его не обретаю, / И красы не знаю в нем». В «Сатире на петиметра» («Открытие таинства любовных нам лиры...», РС, № 1) мимоходом, вслед за «Критикой на оду» (1747) Сумарокова, напал на ломоносовскую рифму «Россия / Индия».

Ломоносов старался не вступать в полемики самочинно, ответить Елагину его просил Шувалов. Ломоносов пишет для него «Оправдание», где говорит, что препираться с «Перфильевичем» (Елагиным) он никогда намерен не был, и делает это по понуждению его превосходительства во исполнение его «неоднократно объявленной» воли, причем возражает здесь *только* на эпистолу: «Зоил» (несомненно Елагин) «в моих одах ни Пиндара, ни Малгерба не находит, для того что он их не знает и говорить с ними не умеет, не разумея ни по гречески, ни по французски»¹. В Сухопутном кадетском корпусе, откуда выпущился Елагин, не учили греческому, а в незнании французского он сам признавался в последней строфе эпistolы: «Естьли так велик французский, / Как великий есть наш русский, / Я не тшуся знать ево...», в списке Ржевского есть примечание: ««Я не <тш>уся знать его» – значит, что я не жалею, что, не зная по-французски, Малгерб<a> не читал, естли он таков, как наш одической поет»².

¹ На связь письма с посланием Елагина указал еще Г.А. Гуковский в 1927 г. [Гуковский, 1927, с. 32], мимо чего прошел Г.П. Блок, объявив, что «Ломоносов, бесспорно его <послание Елагина> читавший, не отозвался на него, насколько известно, никак» [Ломоносов, 1959, т. 8, с. 1019], поэтому ему пришлось выдумать Ломоносову, не предполагавшему уделять внимание даже Елагину, – анонимного и еще более «малозначительного» оппонента.

² НИОР БАН. 12.4.28. Л. 11–11 об.; [Мартьянов, Шанская, 1976, с. 146]. Незнанием французского Ф. Сукин в эпиграмме «Тебе не сродно то, Гораций что

«Оправдание» было критикой именно эпистолы «К Сумарокову», а не «Сатиры на петиметра», т. к. в нем нет возражений на рифму «Россия / Индия» и сумароковские «титулы», а в сатире нет ни слова о Малербе. «Сатиру на петиметра» критиковала сатира Н. Поповского «Безумной рифмач», которую Ломоносов приложил к «Оправданию» и просил «ежели возможно, удовольствоваться тем, что сочинил гдн Поповской».

«Отмщать завистнику...», где Ломоносов отмахивается от навязываемого ему оппонента, как от назойливой мухи, – это зарифмованное «Оправдание», из которого выброшены литературные аргументы, т.е. собственно оправдание подражания древним. «И так, хотя *учинить отпор моим ненавистникам*, не знаю и весьма *сомневаюсь*, не больше ли я им благодарить и их хвалить должен, нежели мстить и уничтожать», ибо «*Зоилы*», пишет Ломоносов, «меня своей *хулой* хвалят». В эпиграмме повторено то же, вплоть до вопросительной частицы: «*Отмщать завистнику* меня вооружают <...> Когда *Зоилова хула* мне не вредит, / *Могу ли* на него за то я быть сердит...»

Теперь эпиграмму можно прокомментировать. «Зоилова хула» – это елагинские упреки Ломоносову в «надутых изображениях», «обух» – это образцы «высокопарных мыслей» Гомера, Вергилия, Камюэнса и Овидия, соответствия которым Ломоносов нашел в своих стихах и выписал для Шувалова, а «жужжание мухи» – критика от автора, не читавшего Пиндара и Малерба и не знающего ни древних языков, ни других иностранных, кроме немецкого. Апелляция к классикам сделала бы Елагину слишком много чести, по мнению Ломоносова, он вовсе не заслуживал обстоятельного ответа *от него*, эту функцию должна была выполнять сатира Поповского, поэтому место возражений занимает

имел...» объяснит германофильство Елагина («А авторов за то немецких почитаешь, / Что по-французски ты сам ни слова не знаешь» – *РС*, № 6), осмеянное также в «Преверщенном петиметре» И. Баркова (*РС*, № 2). Как и стихи о трудностях с рифмами, это очевидно было риторическим самоуничижением: Елагин много переводил с французского, выпустил в 1755–1758 гг. первые четыре тома «Мемуаров знатного человека» Прево (издание прервалось в связи с арестом по делу А.П. Бестужева-Рюмина и было закончено в 1764–1765 гг. В.И. Лукиным), французские комедии (Детуша, Мольера), «Оду Приапу» А. Пирона и т.д., а затем вошел в команду Екатерины по переводу «Велизария» Мармонтеля.

**Битва «ученых профессоров». «Безстыдной Родомонт...»
Тредиаковского vs «Отмстить завистнику...»**

argumentum ad hominem personam: тут не с кем разговаривать, критик – ничтожество. Литота, возможно, подсказана стихами Н. Поповского из сатиры «Безумной рифмач», где была аллегория: Ломоносов – «Российский Аполлон», Минерва наказала Арахну, превратив в паука, и Елагину нужно опасаться, чтобы его «отмщением престрогим не сделал Аполлон каким четвероногим». Ломоносов берет более ходовое анималистическое воплощение ничтожества, которое в баснях часто старается обратить на себя внимание высших существ или приписать себе значимость, подражая мухам Федра («Муха и мул») и Абстемия («Муха, которая, сев на квадригу, сказала, что поднимает пыль», I, 16). Особенно известны были «Карета и муха» Лафонтена (*Le Coche et la Mouche*, VII, 9), катрен XXXI Исаака де Бенсерада («Un chariot tiré par six chevaux fougueux...») о самонадеянной мухе, которая ехала на телеге, запряженной шестью лошадьми, и жужжала, что от нее много пыли, и «Муха» (*Die Fliege*) Геллерта; последняя ничего не понимала в искусстве, что не мешало ей о нем рассуждать и утверждать, будто «великолепный храм» (“Tempel voller Pracht”) может построиться сам собою. Аллегорическая иконография мух незавидна, басенные мухи – персонажи по преимуществу отрицательные, это заметил еще автор хозяйственных советов по борьбе с мухами из штутгартского «Физико-экономического еженедельника» (*Physikalisch-oekonomische Wochenschrift*, 1755), посетовав на «досадных насекомых, которые все лижут, на всем оставляют следы своего плоду, своими сосущими жалами столь не стерпимо кусают, что надлежало бы причислить их с блохами к одному роду» [Бернхард, 1760, с. 189]¹.

¹ «Бесстыдство их, неважная польза, их бытность, коя почти всем животным бывает тягостию, а может быть и темной их образ размышления, достойны нашего мщения. Я нарочно говорю: темной образ их размышления; ибо мухи всегда из темных глаз глядят, и часто голову одною ногою держат, и часто плоской лоб морщат, не иначе как некоторые люди, которые много смыслят и доходят до основания вещей. Кто же не видит из диковинного их виду, что оне должны иметь со всем удивительный образ размышления. Можно прочесть для того всех баснотворцев, и найдется, что мухи ими всегда плохими описуются. Положить же, чтоб были между ими хорошия, то для чего оне нам досаждают? Сие преступление, которое при изрядных муках между нами едва сносно, всеконечно достойно, чтобы мухи смертью казнены были» [Бернхард, 1760, с. 189–190]. В оригинале [Bernhard, 1755, Sp. 297] соображения о физиогномике мух, морща-

Слабый свет на замысел проливали вычеркнутые стихи из черновика «Бедняжка, полети и *пой* во весь заход: / Я, слыша *голос* твой, тошноту получаю», они вводили претензию эстетическую: становилось понятно, что речь идет именно о стихах зоила, а не об ученом трактате. Ломоносов считал стихи Елагина плохими, в «Исполнении» (публичном письме, начатом словами «По желанию вашему все, что в моей силе состоит, готов исполнить...», в *РС* – «Письмо, сочиненное прозою чрез С Э», № 7) он назовет их написанными без «стихотворческой меры» [Ломоносов, 1952, т. 10, с. 493]. Вариант отвергнут, поскольку признание, что «голос» Елагина оказывает действие, хоть и тошнотворное, входило в контрадикцию с пуантом «мне нет вреда», надо было выбрать одно: либо его тошнит, либо ему все равно.

Ломоносов пытался намекнуть, что необходимость препираться с «Перфильевичем» его унижает, но камергеру удалось добиться целых трех возражений: эпиграмма «Златой младых людей...» и «Исполнение», широко разошедшиеся в списках и вызвавшие много откликов, были уже на «Сатиру на петиметра». Елагин для Ломоносова по-прежнему – ничтожество, с которым не о чем говорить, поэтому во второй эпиграмме тоже нет литературных аргументов, лишь другой *argumentum ad hominem personam*, еще более унижающий, но и более таргетированный, исключаящий всякую двусмысленность, в отличие от «Отмщать завистнику...», всеми надежно опознанный как антиелагинский. В «Исполнении» же Ломоносов, пользуясь елагинскими формулировками из сатиры, перетолковал «нелепые похвалы» Сумарокову как ругательства, т.е. спорил не с Елагиным, а с Сумароковым, которого он в известном смысле воспринимал как своего ученика, злобного и неблагодарного.

IV. Позиция Тредиаковского в елагиномахиях

В.К. Тредиаковский следил за елагиномахией и принял в ней участие, заняв уникальную позицию – против Сумарокова и не на стороне Ломоносова. Авторы эпиграмм и сатир, выступавшие про-

щих плоский лоб («Und oft die flache Stirne falten»), и их склонности к философии, были цитатой из басни Геллерта [Gellert, 1750, S. 111], не названного ввиду известности у немецкого читателя.

**Битва «ученых профессоров». «Безстыдной Родомонт...»
Тредиаковского vs «Отмицать завистнику...»**

тив Елагина, сосредоточивались на нем, избегая бить по Сумарокову, по нему задевал только сам Ломоносов в «Исполнении». Тредиаковскому в 1753 г. – 50 лет, Ломоносову – 42, Сумарокову – 36, Елагину – 28. В битве с Елагиным участвуют литераторы следующего поколения, еще моложе, – 26-летний Н. Поповский, 25-летний Ф. Дмитриев-Мамонов, 21-летний И. Барков, 20-летний М. Щербатов, – которые считаются с Сумароковым и не могут себе позволить того же, что Тредиаковский. Лишь Поповский, напутствованный Ломоносовым, аккуратно напоминал о ранних подражаниях Сумарокова тонике Тредиаковского и долге перед Ломоносовым как реформатором стиха, хотя Сумарокову не могло понравиться и это: он предпочитал вспоминать, что прокладывал дорогу в одиночестве, вслепую и без помощников.

Для Тредиаковского Сумароков – ренегат и агрессор, высмеивающий его в комедиях и пасквилях, а елагиномахия – лишь повод для продолжения войны, объявленной ему в «Эпистоле о русском языке» (1748)¹, Елагин сам по себе интересуется его еще меньше, чем Ломоносова. Сначала Тредиаковский выступил с эпиграммой «Не петиметров здесь стихом я обличаю...», где опроверг титулы, которыми Елагин наградил Сумарокова в «Сатире на петиметра» («Открытие таинств он... Каких? Когда? Кому?»), растоптал Сумарокова (в нем «глупость без конца» и «самой мрак, не свет»), обыграв фамилию («суморок» : «сумрак» : «мрак»), и обругал Елагина в пуанте: «Каков учитель сам, таков и ученик!» («Возражение на сатиру против петиметров», *РС*, № 3). Сравнение с Сумароковым у Тредиаковского было оскорблением.

Затем литераторы, по выражению одного из авторов, «разделяются на шайки», одни выступают против Елагина на стороне Ломоносова (И. Барков, Н. Поповский), другие просто против Елагина (Ф. Сукин, анонимы), третьи в его защиту (Сумароков), четвертые против сатиры (М. Щербатов, Я. Брандт), и т.д., а потом начинают нападать еще и друг на друга. Из *РС* следует, что Тредиаковский принял «Златой младых людей...» за эпиграмму сенатского секретаря Ф.И. Сукина и ответил на нее эпиграммой «Жалею сердцем я, что ты не так богат...» (*РС*, с. 133). Когда бит-

¹ Война описана в книге М.С. Гринберга и Б.А. Успенского; см.: [Успенский, 2008, с. 221–318].

ва принимает характер *все против всех*, Третьяковский высказывается еще раз и пишет «Что бешенство ввелось у нас между писцами?...» («Сатира II чрез Тред<иаковского>, РС, № 12), где ставит всем диагноз и занимает позицию над схваткой. Этим его участие в елагиномахии исчерпывается.

V. «Родомонт» и спор о флексиях

Полемику о Елагине Третьяковский воспринимал как оголтелую и непропорциональную значению Сумарокова в поэзии и участвовал в ней, сводя личные счеты. Гораздо больше его в это время занимал другой вопрос – о правописании окончаний прилагательных мужского рода множественного числа в изданиях типографии Академии наук (далее для краткости – теория о флексиях). Особенность орфографии Третьяковского состояла в «малоросских» флексиях («живущии» вместо «живущие»), специфическом употреблении литер «и» и «і» и применении «гифенов, или единитных палочек» «для означения, которое-слово-должно-громаче выговорить, из двух, или нескольких слов»; гифены он почитал за «секрет новый и притом превесьма важный для определения точности в разуме» [Пекарский, 1873, т. 2, с. 177–178]. Теорию о флексиях Третьяковский впервые изложил в 1746 г., а правописание употреблял и ранее¹, Ломоносов по требованию Академии между 14 марта и 18 апреля [Ломоносов, 1952, т. 7, с. 802] написал на нее «примечание», назвав предложенное правописание «какофонией», сложной для выговора и «противной» слуху [Ломоносов, 1952, т. 7, с. 83–87, 801–804], но потом, узнав, что Третьяковский собирается сочинять возражения, вернул его рукопись и попросил 18 апреля Академию отозвать ответ и выключить его из этого спора: «...Trediakowski percipi se in dicta disceptatione propositurum; quibus omnibus me implicare haud sane velim, cum propriis ad forum meum spectantibus negotiis occupatus sim» («Третьяковский, как я

¹ Это вызвало сложности при печатании его речи *De eloquentia*, произнесенной 12 августа 1745 г. при посвящении в академики: канцелярии пришлось проследить, чтобы хотя бы в титулах императорских фамилий не было «орфографических поновлений» [Пекарский, 1873, т. 2, с. 110]. Речь вышла в декабре 1745 г. под заглавием «Слово о богатом, различном, искусном и несхотственном витийстве».

**Битва «ученых профессоров». «Безстыдной Родомонт...»
Третьяковского vs «Отмщать завистнику...»**

понял, намерен представлять себя в помянутой дискуссии; я определенно не хочу во все это вмешиваться, поскольку занят собственными делами, до <академического> собрания относящимися. – *лат.*)¹. Ломоносов тогда не видел «довольного основания» в орфографии, принятой в 1733 г., и сам эти прилагательные писал вразнобой, иногда «противным свойству языка» способом [Костин, 2017, с. 56–57, примеч. 21]. Для него это был вопрос договора, где «одному употреблению повиноваться должно» [Ломоносов, 1952, т. 7, с. 84], если бы в 1733 г. была заложена другая традиция употребления, он бы поддержал ее. Третьяковский же продолжил писать по своей орфографии и печатал все сочинения и переводы в соответствии с нею [Третьяковский, 1865, с. 105]. Елагиномахия, в которую Шувалов вовлекает Ломоносова 16 октября 1753 г., совпала по времени с возобновлением спора о флексиях *-и* / *-ии* и нападок на «неискусного» автора, который их употребляет.

Между 4–11 ноября 1753 г. (это хорошо обоснованная датировка ПСС) Ломоносов записывает три полемических текста, пронумеровав их в такой последовательности: «Отмщать завистнику...» на елагинское послание «К Сумарокову», «Младой златых людей...» на елагинскую «Сатиру на петиметра» и «Искусные певцы...» на теорию Третьяковского о флексиях. Четвертой идет записка «Прошу извинить...». Все считали и продолжают считать, что она адресована Шувалову как заказчику полемики с Елагиным [Ломоносов, 1959, т. 8, с. 1021²; Ломоносов, 2010, с. 232 и др.], но это невозможно, с камергерами так не разговаривали. Все письма и записки Ломоносова к Шувалову, даже короткие, содержат этикетные формулы «с глубоким высокопочитанием пребываю», «всепокорнейший [всеусердный, всеуниженный] слуга», ср. записку от 3 октября 1752 г., сопровождавшую присылку вольтеровских стихов Фридриху II: «Милостивой г<осу>д<а>рь Иван Иванович

¹ Протоколы на латыни: [Материалы для биографии Ломоносова, 1865, с. 83], краткий их пересказ: [Пекарский, 1865, с. 99].

² В ПСС с оговоркою, которая ни в чем не убеждает: «Ломоносов не только не успел переписать их набело, отступив от обычной в сношениях с Шуваловым почтительной вежливости, отправил стихи, как видно, без сопроводительного письма» [Ломоносов, 1959, т. 8, с. 1021]. Б.Л. Модзалевский в описании рукописей назвал ее «Запиской неизвестному» [Рукописи Ломоносова..., 1937, с. 83], но потом присоединился к общему мнению [Модзалевский, 1958].

<...> с глубоким почитанием непременно пребываю Вашего Превосходительства всепокорнейший слуга» [Ломоносов, 2010, с. 165]; «Оправдание»: «Всепокорнейше прошу извинить тесноту строк, с усерднейшим высокопочитанием пребывая, Вашего Превосходительства всепокорнейший слуга» [Ломоносов, 1952, т. 10, с. 492]. Как бы и куда Ломоносов не торопился, записка «Прошу извинить, что... не успел», будучи посланной Шувалову, – это оскорбление; самоочевидно, что это обращение к подчиненному¹, возможно, к тому, кто перепишет черновик и оформит стихи для Шувалова. 1 ноября у Шувалова был день рождения, 12 ноября – день тезоименитства, с которым следовало поздравить особо. К таким датам поэты помельче подносили поздравительные стихи, а Ломоносов, вероятно, намеревался поднести эпиграммы, которых министр целый месяц от него добивался.

Перед стихами «К рыбалову» из серии четырех дилетантских эпиграмм, подписанных «Школьник»², выставлена дата «От 4 ноября»³, а из текстов следует, что первый этап полемики уже состоялся, и как минимум эпиграмма «Златой младых людей...» была написана. Сомнительно, чтобы активный этап елагиномахии растянулся до ноября 1754 г., возможно, мухановский черновик, сделанный наспех, с помарками, исправлениями и неисправленными ошибками («Ты Балабан женат» вместо «богат», как следовало), – это, как предполагал когда-то по другому поводу (или, точнее, без повода) Л.Б. Модзалевский, записанные по памяти готовые эпиграммы, которые в исправном виде уже были отправлены в публику еще в октябре.

Поскольку все три текста выпущены в публику в одно время, Тредиаковский ответил на два. Эпиграмму «Отмщать завистнику...» он принял на свой счет и написал «Родомонта», вмешавшись в спор, который зашел не о нем, но правильно определив автора. «Искусных певцов», где он назван Тресотином, кличкой из

¹ С ними Ломоносов был груб, ср. из наброска похвального слова Ломоносову, написанного Я. Штелиным в 1765 г.: «Мужиковат; с низшими и в семействе суров; желал возвыситься, равных презирал» [Сборник материалов для истории..., 1865, ч. 2, с. 387].

² Возможно, ученик Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, как Сумароков, Елагин и Муравьев, на которых направлены три остальные эпиграммы.

³ НИОР БАН. Тек. пост. 640. Л. 22 об.

**Битва «ученых профессоров». «Безстыдной Родомонт...»
Третьяковского vs «Отмицать завистнику...»**

сумароковской комедии, принял за сочинение Сумарокова и написал «Не знаю, кто певцов в стих кинул сумасбродной...», где разругал его: «чермной мигун», «парнаска грязь», «крокодил» (см. об этом: [Успенский, 2008, с. 459–508]), и ответил на эпиграмму «Жалею сердцем я, что ты не столь богат...», где разругал де-факто Ломоносова, но в пуанте приписал ее Ф.И. Сукину: «Теперь я дознаюсь, кто так нескладно врет, / Конечно, это он, что сукин сын слывет». (Что заставляет подозревать, не была ли эта его «расеянность» преднамеренной.)

Датировку «Не знаю, кто певцов...» обосновал Б.А. Успенский: не ранее конца 1753 и не позже начала 1755 г., когда написан новый трактат о множественном прилагательных имен окончаний, где упоминается ломоносовская «эпиграмка»; «можно смело датировать 1754 годом и с большой вероятностью – второй половиной этого года» [Успенский, 2008, с. 465]. Не вижу причины отодвигать ответ от «Искусных писцов» так далеко в 1754 г.¹

¹ А.А. Костин сдвинул датировку на июль – август 1755 г. [Костин, 2017, с. 57], исходя из своего толкования преамбулы трактата, откуда якобы следует, что Третьяковский в феврале 1755 г. представил собравшейся для него академической конференции свои старые, семилетней давности аргументы, а потом летом сочинил для «Ежемесячных сочинений» статью с новыми [Костин, 2017, с. 57, примеч. 22]. Во-первых, из преамбулы, если дочитать ее до конца, следует прямо противоположное тому, что А.А. Костин из нее извлек, а именно, что текст обоснований, зачитанных Академии в феврале, в точности соответствует тексту предлагавшейся для «Ежемесячных сочинений» статьи: «...обещался он принести Собранию доказательства на письме (*принести на письме* это не принести старые из дома, а ‘привести’, ‘сформулировать письменно’. – М. О.). По рассмотрении доказательств его, принесенных уже им, Собрание увидело, что подлинно они не без довольно сильного основания <...> И как доказательства его могут послужить к приведению в совершенство не последняя сея части в Грамматике, толь нужной многим из Российского народа; то мы *онья* Читателям нашим *здесь сообщаем точными Сочинителевыми словами, и Правописанием*» [Третьяковский, 1865, с. 105]. Во-вторых, в любом случае дату надо было положить крайнюю справа, а не предполагать, что Третьяковский узнал о ломоносовской эпиграмме с запазданием в полтора года [Костин, 2017, с. 58], где же он все это время был? Гораздо убедительнее получилась хозяйственная часть статьи, о бумаге записок В.Е. Адодурова и Х.Н. Вингейма: какой секретарь посольства закупил «партию голландской пищи (как есть. – М. О.) бумаги (55 стоп)» в Амстердаме, кто был шкипером груза, какой помощник книжной лавки занимался растаможкой и ка-

Антиелагинская эпиграмма «Отмщать завистнику...» получила деперсонифицированной, в ней всего три маркера – «завистничество», «хула», «ничтожество», и Третьяковский примерил эти упреки на себя. Оба его ответа, «Не знаю, кто певцов...» и «Родомонта», роднит бодишейминг (Сумароков – «рыжа тварь» с нервным тиком, Ломоносов – «винная бочка», огромный нервный пьяница), и в обоих Третьяковский противопоставляет оппонентам – свои «труды». В ответе Сумарокову: «Хоть тресни ты, в трудах я токмо пребываю, / В трудах – не в пустоте; твое ж зло презираю», в ответе Ломоносову сравнивает себя с «трудницей медов росистых».

Сумароков ответил только на «Златой молодых людей...» и никто не ответил на эпиграмму «Отмщать завистнику...», Третьяковский ее аннигилировал – присвоил и обезвредил. Глупо было играть в игру, где он смешал карты, как и Ломоносову возражать на «Не знаю, кто певцов...», адресованных не ему.

Б.А. Успенский предположил, что в «Искусных певцах» Ломоносов вернулся к вопросу о флексиях во время работы над «Российской грамматикой» (изд. 1757), которая будет содержать полемический пассаж: «свойство нашего Российскаго языка убегает от скучной буквы и» [Успенский, 2008, с. 462–463]. Кроме того, в 1751–1752 гг. Ломоносов сочинял и диктовал студентам вторую и третью части «Руководства к красноречию» [Ломоносов, 1952, т. 10, с. 389, 809–810]. Выход второй («Оратории», о речах в прозе) ожидался в октябре 1753 г. Эту дату Ломоносов называет 31 мая в письме к Шувалову, интересовавшемуся этим сочинением, но не посылает рукописи, потому что тот хочет иметь печатный экземпляр [Ломоносов, 1952, т. 10, с. 482]. Эти части утрачены (как и четыре других его сочинения, упоминавшихся в рапортах), не исключено, что там содержались дополнительные нападки на флексии Третьяковского.

Если «Искусные певцы» поднесены Шувалову вместе с антиелагинскими эпиграммами, это может означать, что он был заказчиком и второй полемики. Письма Шувалова к Ломоносову не

кой наборщик расписался в получении. Самый недоверчивый актуариус не усомнится в правдивости истории.

**Битва «ученых профессоров». «Безстыдной Родомонт...»
Тредиаковского vs «Отмщать завистнику...»**

известны, они реконструируются по ломоносовским ответам¹, которые сами сохранились частично; в тех, что есть, задание не обсуждается, но, несомненно, для него было более приятной обязанностью возразить Тредиаковскому, чем Елагину, вероятно, эта просьба даже не вызвала сопротивления. Помимо писем были личные встречи с «разговорами о науках»: Ломоносов весной и летом участвовал в отделке петербургского дома его превосходительства на углу Малой Садовой и Итальянской [Ломоносов, 1952, т. 10, с. 483; Кулябко, 1966, с. 100–101].

Тредиаковский всегда держал в уме Ломоносова как врага теории флексий и ждал критики от него, в рукописи статьи 1755 г., защищающей теорию, против пассажа о тех, кто портит язык, потому что «грамматических правил не знает», будет стоять выноска с буквой «Л», «что нельзя иначе объяснить, как указанием на Ломоносова» [Пекарский, 1865, с. 108], и первые три стиха «Не знаю, кто певцов...» о том «дураке и вертопрахе негодном», «кто певцов в стих кинул сумасбродной» и «красотой зовет, что есть языку вред, или мужичий вздор или ямщикий бред», допускают еще толкование не в сторону Сумарокова, а в сторону вдохновителя, не умеющего оценить красоту языка в силу происхождения.

Из «Отмщать завистнику...» Тредиаковский сделал вывод, что Ломоносов, получив заказ («меня вооружают»), не собирается спорить *ad rem*, и приписал «Искусных певцов» Сумарокову еще и поэтому, хотя заказчиков подозревал не в этом эрзаце литературного салона, а среди тех, кто определял орфографический режим академической типографии².

¹ Сохранилось одиннадцать писем Ломоносова к Шувалову за 1753 г., 1 ноября 1753 г. Ломоносов пишет: «...я письмами Вашего Превосходительства ныне не оставлен...» [Ломоносов, 1952, т. 10, с. 495], но единственное известное – это предположительно атрибутированное ему И. Серманом *публичное* письмо, относящееся к елагинамации и анонимно включавшееся в рукописные сборники. В издании переписки Ломоносова оно без оговорок вошло как несомненно шуваловское [Ломоносов, 2010, с. 209–210], притом что проигнорировано позднейшее, атрибутированное Шувалову Е.С. Кулябко [Кулябко, 1966].

² Ср. вычеркнутые в рукописи трактата выпады против типографии: [Тредиаковский, 1865, с. 109, 112] и др., отсылавшие к орфографическим правилам 1733 г. и адоуровскому регламенту 1738 г.

В статье упоминается о «безымянной пьесе, начинающейся Искусными писцами»: «Да видят теперь *Эпіграмками играючи* <...>, коль праведно и основательно *они* оглашают небесную по их же красоту нашего языка» [ТрEDIAAKOвский, 1865, с. 105–106] (выделено им). «По их же» – это по стихам из «эпіграмки» «Искусные певцы...»: «Языка нашего небесна красота / Не будет никогда по-пранна от скота». На «эпіграмку» он ответил, вероятно, тогда же, когда она написана, или в начале 1754 г., сказав: «Хоть тресни ты, в трудах я токмо пребываю», т.е. отстаиваю «правду», хотя «свиною» и «нетопыря» «тщетно» склонить «правотой к добру». В трактате он скажет: «Да гласит и-еще нестройнее безымянная П<ь>еса, начинающаяся искусными писцами, об окончаниях множественных мужеских, в целых прилагательных именах на и». Далее для журнала вычеркнуто то, что П. Пекарский определил как «личные выходы» [Пекарский, 1865, с. 101]: «Я, незаслуживший язвительных и пакосных имен, дивлюсь токмо страсти. Наконец, радуюсь, что-обещание доказать мой способ правописания, исполнил Господам Товарищам самым делом» [ТрEDIAAKOвский, 1865, с. 116]. Врагов у теории было много, и ТрEDIAAKOвский пошел против всех.

Часть фактуры полемики о флексиях определенно утрачена, и без нее битва «ученых профессоров» выглядит как буффонада или сюжет для псевдохармсовского «анекдота». *Заспорили Ломоносов и ТрEDIAAKOвский в Академии об окончаниях. Рядом стоял Елагин и громко ругал Ломоносова по матери. Ломоносов слушал-слушал, а потом нахаркал полный рот слюней и плюнул ими в Елагина. Но не рассчитал и попал в ТрEDIAAKOвского. ТрEDIAAKOвский рассвирепел, укусил Ломоносова и обиженно отвернулся. Ломоносов пнул ТрEDIAAKOвского и указал на проходившего мимо Сумарокова. ТрEDIAAKOвский накинулся на Сумарокова и принялся топтать его туфлями, крича: «Парнаска грязь! Крокодил! Рыжа тварь!»*

Список литературы

1. Архангельская А.В. Малые жанры в поэзии М.В. Ломоносова // Ломоносовский сборник / под ред. Д.П. Ивинского, Е. Кисловой. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2011. – С. 47–56.

**Битва «ученых профессоров». «Безстыдной Родомонт...»
Третьяковского vs «Отмстить завистнику...»**

2. *Афанасьев А.Н.* Образцы литературной полемики прошлого столетия // Библиографические записки. – 1859. – № 17. – Стлб. 513–528.
3. *Бердников Л.И., Серебряный Ю.* Пантеон российских писателей XVIII века : критико-биографические очерки. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2002. – 640 с.
4. [*Бернхард Йоханн Э.Ф.*] Средства против некоторых насекомых (а особливо от мух), переведенныя из Стутгардских Экономических и Физических еженедельных листов 1755 году // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащая. – В Санктпетербурге : при Императорской Академии Наук, 1760. – С. 187–191.
5. *Гуковский Г.А.* Русская поэзия XVIII века. – Ленинград : Academia, 1927. – 214 с.
6. *Довгий О.* «Все звери говорят...» : о бестиарии русской поэзии. – Тула : Аквариус, 2022. – 176 с.
7. *Елагин И.* Литературные эпиграммы Пушкина // Russian language journal. – 1974. – Vol. 28, N 101. – P. 24–39.
8. *Костин А.А.* Третьяковский в 1755 году : несколько архивных замечаний // XVIII век. – Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2017. – Сб. 29: Литературная жизнь России XVIII века. – С. 51–59.
9. *Кулябко Е.С.* Неизвестное письмо И.И. Шувалова к М.В. Ломоносову // XVIII век. – Ленинград : Наука, 1966. – Сб. 7. Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. – С. 99–105.
10. *Лебедев Е.Н.* Михаил Васильевич Ломоносов. – Ростов-на-Дону ; Москва : Феникс : Зевс, 1997. – 640 с.
11. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений : в 11 т. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 7: Труды по филологии, 1739–1758 гг. – 996 с.
12. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений : в 11 т. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 10: Служебные документы. Письма, 1734–1765 гг. – 935 с.
13. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений : в 11 т. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. – 1280 с.
14. *Ломоносов М.В.* Переписка, 1737–1765 / составление, подготовка текста и примечания Г.Г. Мартынова ; под ред. Б.А. Градовой. – Москва : Ломоносовъ, 2010. – 512 с.
15. *Магницкий Л.Ф.* Арифметика, сиречь наука числительная. С разных диалектов на славенский язык преведенная, и во едино собрана, и на две книги разделена. – [Москва, 1703]. – 328 л.
16. *Мартынов И.Ф., Шанская И.А.* Отзвуки литературно-общественной полемики 1750-х годов в русской рукописной книге (Сборник А.А. Ржевского) // XVIII век : сборник статей и материалов / АН СССР. – Ленинград : Наука, 1976. – Сб. 11: Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. – С. 131–148.

17. Материалы для биографии Ломоносова / собраны экстраординарным академиком [П.С.] Билярским. – Санкт-Петербург : в Тип. Имп. Академии наук, 1865. – 820 с.
18. *Модзалевский Л.Б.* Ломоносов и его ученик Поповский (К вопросу о литературной преемственности) // XVIII век : сборник статей и материалов / АН СССР. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1958. – Сб. 3. – С. 111–169.
19. *Моисеева Г.Н.* К истории литературно-общественной полемики // Искусство слова : сборник статей к 80-летию члена-корреспондента АН СССР Дмитрия Дмитриевича Благого. – Москва : Наука, 1973. – С. 56–64.
20. *Пекарский П.* Дополнительные известия для биографии Ломоносова. Приложение к VIII тому записок Императорской Академии наук. № 7. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1865. – 128 с.
21. *Пекарский П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. – Санкт-Петербург : Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1873. – Т. 2. – 1042 с.
22. Поэты XVIII века : в 2 т. / сост. Г.П. Макогоненко, И.З. Сермана. – Ленинград : Советский писатель, Ленинградское отделение, 1972. – Т. 1 / подготовка текста и примечания Н.Д. Кочетковой. – 623 с. ; Т. 2 / подготовка текста и примечания Г.С. Татищевой. – 588 с.
23. *Пумпянский Л.В.* Тредиаковский и немецкая школа разума // Западный сборник. 1. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937. – С. 157–186.
24. Рукописи Ломоносова в Академии Наук СССР : научное описание / сост. Л.Б. Модзалевский ; отв. ред. Г.А. Князев ; автор предисл. Б.Н. Меншуткин. – Ленинград ; Москва : Изд-во АН СССР, 1937. – 404 с. – (Акад. наук СССР. Труды Архива ; вып. 3).
25. Русская эпиграмма второй половины XVII – начала XX в. / вступ. ст. Л.Ф. Ершова ; сост., подгот. текста и примеч. В.Е. Васильева, М.И. Гиллельсона, Н.Г. Захарченко. – Ленинград : Сов. пис., 1975. – 966 с.
26. *Савкин С.В.* Ломоносов и Тредиаковский : к вопросу о взаимоотношениях // Материалы научно-практической конференции «Литература. Культура. Язык». 3 июля 2004 г. : сборник статей и тезисов. – Ливны : [б. изд.], 2004. – С. 93–100.
27. Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке / издал А. Куник. – Санкт-Петербург : в Тип. Имп. Акад. наук, 1865. – Ч. 1/2. – 530 с. – Нумерация сквозная.
28. Словарь русских писателей XVIII века. – Санкт-Петербург : Наука, 1999. – Вып. 2. – 510 с.
29. [*Тредиаковский В.К.*] Дедамия / Трагедия, покойным надворным советником и Императорской Санктпетербургской Академии наук красноречия профессором Васильем Кириловичем Тредиаковским, сочиненная в 1750 году. Печатана первым тиснением. – В Москве : [Типография Государственной военной коллегии], 1775. – 128 с.

**Битва «ученых профессоров». «Безстыдной Родомонт...»
Тредиаковского vs «Отмицать завистнику...»**

30. *Тредиаковский В.К.* Избранные произведения / вступ. ст. и подгот. текста Л.И. Тимофеева; примеч. Я.М. Строчкова. – Москва ; Ленинград : Сов. пис., 1963. – 578 с.
31. *Тредиаковский В.К.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозой / изд. подгот. Н.Ю. Алексеева. – Санкт-Петербург : Наука, 2009. – 667 с.
32. [*Тредиаковский В.К.*] Тилемахида или Странствование Тилемаха сына Одиссея описанное в составе ироническая пиимы Василием Тредиаковским. – Санкт-Петербург : [Тип. Акад. наук], 1766. – Т. 1. – 223 с.
33. [*Тредиаковский В.*] Об окончании прилагательных имен целых, мужского рода, множественнаго числа, и о двух некоторых разностях, до правописания принадлежащих <1755> // Пекарский П. Дополнительныя известия для биографии Ломоносова. Приложение к VIII тому записок Императорской Академии наук. № 7. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1865. – С. 102–119.
34. *Успенский Б.А.* Вокруг Тредиаковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. – Москва : Индрик, 2008. – 608 с.
35. *Baby Hélène.* Le capitain dans la comédie et la tragi-comédie françaises (1630–1640) : les enseignements génériques d'un type // Littératures classiques. – 2007. – N° 2(63). – P. 71–84.
36. *Bauter Charles.* La Rodomontade / texte établi, annoté et présenté par L. Rescia. – Trento : Università degli Studi di Trento, 2007. – 178 p.
37. [*Belleau R.*] Les Odes D'Anacreon Teien, poete Grec / traduites en François. Par Remy Belleau. – A Roven : Chez Iean Berthelin, 1604. – Tome second [= Les Oeuvres Poétiques De Remy Belleau. T. 6]. – F. 288–438.
38. [*Bernhard Johann Ernst Friedrich.*] Fortsetzung der Mittel wider einige Insekten und zwar hier wider die Fliegen // Physikalisch Ökonomische Realzeitung oder gemeinnützige Wochenschrift. – 38th Stück vom Jahr 1755. – Sp. 297–300.
39. *Boileau N.* Les Oeuvres de M. Boileau Despréaux, Avec Des Eclaircissemens Historiques. – Paris : Chez la Veuve Alix, 1740 [MDCCXL]. – Т. 1. – 470 p.
40. *Boileau N.* Oeuvres de M. Boileau Despréaux / Nouvelle edition. Par M. de Saint-Marc. – Paris : Chez David, Durand, 1747 [MDCCXLVII]. – Т. 2. – 492 p.
41. *Bolæana ou Bons Mots de M. Boileau, avec les poesies de Sanlecque, &c.* – Amsterdam : Chez Lhonoré, 1742 [MDCCXLII]. – 160 p. + 97 p. – Poesies du pere Sanlecque, с отдельной пагинацией.
42. *Bonnicorse Balthasar de.* Lutrigot, poëme heroï-comique. – Marseille : Chez Charles Brebion, 1686 [MDCLXXXVI]. – 56 p.
43. [*Dionis Du Séjour Melle.*] Origine des Graces, par Mademoiselle D****. – A Paris, 1777 [MDCCLXXVII]. – 136 p.
44. *Dubos J.-B.* Réflexions critiques sur la poésie et la peinture. – Paris : Chez Jean Mariette, 1719 [MDCCXIX]. – Première partie. – 692 p.
45. *Garapon R.* Le personnage du soldat fanfaron dans le théâtre français au XVIIe et au XVIIIe siècle // Actes du VIII Congrès de l'Association Guillaume Budé. – Paris : Les Belles Lettres, 1964. – P. 113–115.
46. *Gellert C.F.* Die Fliege // C.F. Gellerts Fabeln und Erzählungen : In drey Büchern. – Frankfurt ; Leipzig, [1750]. – Buch 2. – S. 109–111.

47. *Le Pays*. A Monsieur du Tiger. Sur les Satyres de M. Boileau. Lettre 1 // Les Nouvelles Oeuvres De Monsieur Le Pays. – A Paris, 1672 [MDCLXXII]. – Seconde partie, Livre second. – P. 133–137.
48. Les Oeuvres de Tabarin avec Les adventures du capitaine Rodomont, La farce des bossus et autres pièces tabariniques / Préface et notes par Georges D'Harmonville. – Nouvelle édition. – Paris : Garnier frères, 1896. – 427 p.
49. *Leclerc J.* Rire et mordre : Boileau artisan de la forme brève // Œuvres & Critiques, XXXVII. – 2012. – № 1. – P. 23–38.
50. *Menant S.* Chute d'Icare : la crise de la poésie française, 1700–1750. – Genève ; Paris : Droz, 1981. – 408 p.
51. *Ruth F.* Capitano und Deutschfranzose : Komische Ausländer auf deutschen und französischen Bühnen // Rollenfach und Drama / Anke Detken, Anja Schonlau (Hg.) – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 2014. – S. 225–240. – (Forum Modernes Theater; Band 42).
52. *Sand M.* Le Capitan. Spavento, Spezzafer, Giangurgolo, il Vappo, Rogantino // Sand M. Masques et bouffons (Comédie-Italienne) / texte et dessins par Maurice Sand ; gravures par A. Manceau ; préface par George Sand. – Paris : Lévy, 1860. – T. 1. – P. 175–203.
53. Voyage de Chapelle et de Bachaumont : suivi de leurs poésies diverses. – Paris : Chez Constant letellier fils, 1826. – 332 p.